

парад-алле!

«Сегодня утром дрессировщик
Валентин Филатов
репетировал во дворе цирка.
Медведь по кличке Мальчик
на мотоцикле делал круги
по гладкому асфальту.

В это время открылись ворота и во двор
цирка въехала грузовая машина.

То ли Мальчик испугался,
то ли решил побаловаться,

только он вдруг,
круто повернув руль,

выехал на улицу.

Валентин Филатов

на втором мотоцикле

кинулся за ним вдогонку.

Догнал он Мальчика

на Трубной площади.

Обогнав медведя,

Филатов продолжил ехать вперед,
все время показывая Мальчику

сахар.

Медведь, облизываясь,
поехал за дрессировщиком.

Так и вернулись они обратно в цирк:
Филатов, Мальчик, а за ними,
тоже на мотоцикле,

инспектор ГАИ.

Хорошо,
что это произошло ранним утром.
Движение на улице небольшое,

и все обошлось».

(Из тетради в клеточку.
Май, 1952 год).

Осенью 1951 года мы с Ми-
шой и Таней поехали в Ива-
ново, где собирали свой коллек-
тив дрессировщик Валентин Фи-
латов, с которым я познакомился еще в
1949 году, работая в Хабаровске. Он был
симпатичен, молод, но ничего необычно-
го его медведи еще на манеже не показы-
вали.

— Погоди, — говорил он мне в то вре-
мя, — еще увидишь, какой я открою но-
мерище.

А через полгода в Москве я увидел Ва-
лентина Филатова с его аттракционом
«Медвежий цирк». Премьера меня порази-
ла. Медведи у него работали потрясаю-
ще. Публика после каждого трюка в вос-
хищении аплодировала. Медведи ездили
на велосипедах и мотоциклах, жонги-
ровали, катились на каруселях, пародиро-
вали антиподистов и акробатов, показы-
вали сценку «Бокс», а в паузах выходил
коверный медвежонок Макс.

В Иванове в первый же день Валентин
Иванович подошел ко мне и сказал:

— Я рад, что вы приехали. Я еще в
Хабаровске, когда увидел вас впервые,
хотел сказать — уходите вы от Карапан-
даша, работайте самостоятельно. Но потом
подумал: Карапандаш обидится, начнутся
пересуды. А я интриги ненавижу. Ну их к
богу в рай. Я здесь коллектив свой посто-
янный собираю. Люди подбираются хоро-
шие. Сообща можно отлично работать.
Давайте вместе ездить будем.

Филатов собрал в основном молодых
артистов. Многие понимали, что, работая
с Филатовым, они будут иметь хорошие
города, а если возникнут осложнения с
тарификацией, костюмами, реквизитом,
подготовкой новых номеров, руководи-
тель коллектива поможет.

Так начали мы работать в Иванове.
Есть люди, которые, добившись резуль-
татов, возносятся. Валентин Иванович и
после выпуска аттракциона работал так,
будто только начинает. С утра до ночи в
цирке, бывало, вызывали и ночью. Вы-
рвался из клетки медведь — случалось и
такое, — сразу за Филатовым. Конечно,
успех аттракциона изменил психологию
артиста. Он стал более сдержаным, точ-
ным, спокойным. Если раньше, насколько
меня известно, он мог весь выходной, а
то и утром рабочего дня провести в ве-
селье, появляясь в цирке чуть ли не за
пять минут до своего выхода, и директор
цирка, нервничая, встречал его на улице,
то теперь, когда стал руководителем кол-
лектива, получил звание заслуженного ар-
тиста республики, он этого себе не по-
зволял.

Во время репетиций с манежа нередко
раздавался громкий, раскатистый смех
Валентина Филатова. Его вообще находи-
ли по смеху. Оптимист по натуре, он и
людей любил уверенных, энергичных, де-
ловых и чтобы обязательно с юмором.
Когда Филатов на кого-нибудь злился, его
зеленоватые глаза становились прозрач-
ными. В такой момент к нему лучше не
подходить.

У Филатова особая манера вести разго-
вор. Скажет фразу, а потом пристально
посмотрит в глаза собеседника, а сам
моргает глазами и молчит. Если же злит-
ся, то моргает секунд двадцать своими
прозрачными глазами и затем выдает на-
кипевшее.

Помощников Филатов подбирал удив-
ительно точно. У него работали физи-
чески сильные ребята. Относились к
работе преданно. И, я думаю, не только
потому, что любили животных, цирк, но

ЕХАЛИ МЕДВЕДИ НА ВЕЛОСИПЕДЕ...

Юрий НИКУЛИН

И потому, что любили и уважали своего
руководителя. Да и сам Валентин Ивано-
вич своих помощников любил, по пустя-
кам не придирился, умел быстро забыть
перенесенную обиду. Он легко взрывал-
ся, но и быстро остывал, относясь потом
к человеку так, будто ничего и не про-
изошло.

Если определить характер дрессиров-
щика одним словом, то можно сказать —
труженик. Сутки у артиста четко дели-
лись на две части — одну маленьющую, ко-
гда он спал, и другую, когда работал.
Он, как и Карапандаш, чувствовал себя пол-
новластным хозяином номера. Как и Михаил
Николаевич, он с работниками ат-
тракциона проводил пятиминутки (толь-
ко эти пятиминутки, в отличие от каран-
дашевых, часовых, продолжались ровно
пять минут). Точные распоряжения каж-
дому ассистенту, слежащему:

— Люську сегодня не кормить. К трем
дням вызвать ветеринара. Чтобы сегодня к
вечеру покрасили ринг — краска облупи-
лась. Перед представлением за полчаса
всем быть у клеток. Придут из мастер-
ской снимать мерки для медвежьих ко-
стюмов.

Я чувствовал, что Валентину Ивановичу
нравилось быть руководителем коллекти-
ва. Он собирал соревнования, председатель-
ствовал на заседаниях художественного
совета, старался вникать во все мелочи.
Во время представления до начала своего
аттракциона Валентин Иванович нередко
стоял в центральном проходе зрительно-
го зала и, чуть прищурив глаза, наблюдал
за ходом программы.

Цирк Филатов знал до мелочей. Рабо-
тать начал с шести лет. Сначала акробатом,
потом эквилибристом. С 1941 года
занился дрессировкой медведей. Я ува-
жал Филатова за его поразительную пре-
данность нашему делу. И хотя он всего

лишь на год старше меня, но за плечами
у него колоссальный опыт, а с выпуском
«Медвежьего цирка» появился и авторитет.
Нашу дружбу укрепила и любовь Филатова
к веселью. В часы отдыха он мог
с упоением слушать песни, частушки,
анекдоты. По вечерам перед выходным
днем после представления мы обыкновен-
но собирались вместе. У Филатова — за-
столье. Веселье идет допоздна — анекдо-
ты, шутки, цирковые истории, розыгры-
ши и тут же разговоры о работе.

Отличительная черта характера Филато-
ва — честность, откровенность. Не ира-
вится ему номер, он подходит к артисту
и говорит:

— Работаешь ты средне (почти ко
всем артистам он обращался на «ты»),
финала в номере у тебя нет. А хороший
четкий финал — это главное. Ты, друг,
давай думай о финале.

Чуть сутуловатый и приземистый в жиз-
ни, Филатов на манеже преображался: за-
чесанные назад волосы, открытый взгляд,
стройный, обаятельный, он с упоением
демонстрировал умение своих питомцев,
как бы удивляясь трюкам медведей.

Если дело требовало, Валентин Ивано-
вич, не скупясь, легко тратил деньги. За
свой счет приобретал медведей, мото-
циклы. Когда представлялся случай купи-
ть молодняк, Филатов просто вынимал
бумажник и рассчитывал с местными
охотниками. А связи с охотниками у Фи-
латова остались еще от отца, который
всю жизнь проработал в зоопарках.

Когда мы гастролировали в Ростове, в
цирк приехал отец Валентина Ивановича.
И сын постарался устроить для него пра-
здник. Он бережно вел отца под руку
по конюшне, где стояли ряды клеток с
медведями. Отец, опираясь на палку, дви-
гался медленно, остановился возле
каждой клетки, внимательно рассматри-
вал ее.

вала сквозь толстые стекла очков живот-
ных, задавая профессиональные вопросы,
делая тут же замечания, давая советы.

Иван Лазаревич с удовольствием вспо-
минал прошлое. Рассказывал интересно,
с юмором, не упуская деталей. Особенно
мне запомнилась история, которая про-
изошла еще до революции.

В маленьком провинциальном городке
«прогород» цирк, и, чтобы поправить де-
ла, хозяин расклеил по городу афиши:
«Только два дня! В цирке показ дикarya-
людоеда. Съедение живого человека на
глазах у публики. Спешите покупать би-
леты!»

Дикарем-людоедом владелец цирка при-
зывал быть Ивану Лазаревичу. Вечером
публика до отказа заполнила цирк. Все
ожидали сенсации.

В конце представления на манеж выка-
тили клетку, в которой сидел Иван Лаза-
ревич. Тело его вымазали дегтем и свер-
ху обсыпали перьями. Он, брызгая слю-
ной, рычал, скакал по клетке, делал вид,
что пытается выломать прутья. Униформи-
сты на вилах просовывали в его клетку
убитого голубя (просовывали, конечно,
чучело голубя) с мешочком, напол-
ненным клювом. Иван Лазаревич рвал
голубя зубами, и во все стороны летели
перья птицы, а по подбородку «людоеда»
стекала «кровь».

Публика смотрела на это зрелице, за-
таяв дыхание. После «съедения» птицы в
центре манежа вышел хозяин и, поигры-
вая золотой цепочкой от часов, громко
объявил:

— А теперь предлагаем вашему внима-
нию съедение живого человека. Желаю-
щих быть съеденными прошу в клетку!

В зале все замерли. Конечно, никто
не вышел.

— Ввиду отсутствия желающих, —
объявил директор, — представление за-
канчивается. Оркестр — марш!

Обманутая в своих ожиданиях публика
покидала цирк. А на другой день на втором,
заключительном, спектакле после
того как хозяин вызывал желающих быть
съеденными, на манеж нетвердой поход-
кой вышел небольшого роста, толстень-
кий, крепко подпывший купчик.

— Же-ла-ю! Желаю, пусть есть! — за-
явил он.

Возбужденная публика загудела. Куп-
чик обратился к хозяину цирка:

— Раздеваться или так есть будет?

Растерянный, побледневший хозяин в
трудом выдавил из себя:

— Так будет.

Открыли клетку. Зал замер. Перепуган-
ный людоед Филатов изо всех сил зары-
чал и, встав на четвереньки, начал рука-
ми и ногами разбрасывать опилки, наде-
ясь, что купчик испугается и передумает
быть съеденным. Но пьяного купчика это
ничуть не испугало, и он смело пошел
вперед.

Не зная, что делать, людоед умоляюще
посмотрел на хозяина.

— Кусай, кусай, — тихо сквозь зубы
процедил хозяин.

В отчаянии Иван Лазаревич, подпры-
гнув, навалился на купца, опрокинул его
на опилки и вцепился зубами в ухо.

От боли купчик моментально протрез-
вел и благим матом заорал.

Орал укушенный. Орала публика. Виз-
жали с перепугу женщины...

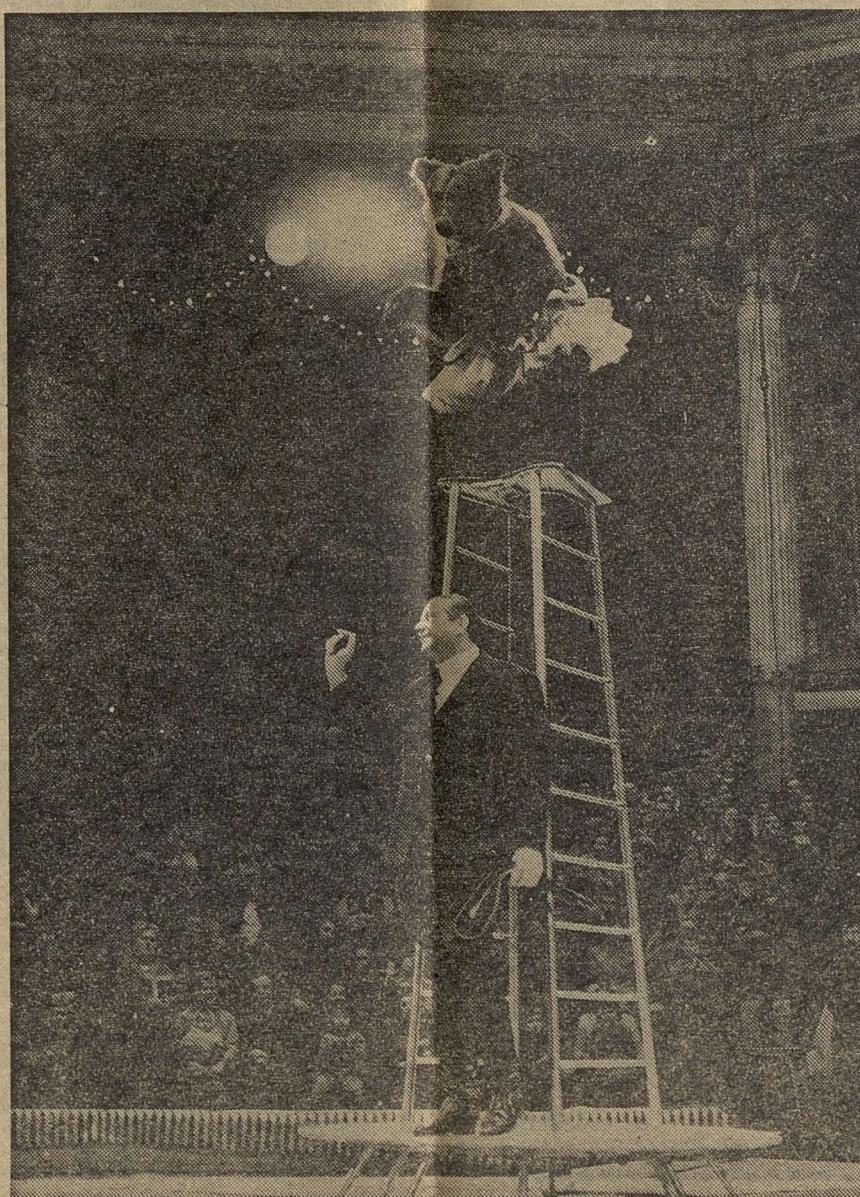
— Не надо! Не надо! — тут же закри-
чали с мест.

Униформа по знаку хозяина бросилась
на Ивана Лазаревича и начала его с си-
лой оттаскивать от купца.

Слушая этот рассказ, мы смеялись до
слез. Громче всех хохотал Валентин Фи-
латов, хотя, наверное, слышал историю
в сотый раз.

— А что, — вдруг обратился он ко
всем, — вот начнет гореть наш коллек-
тив, объявим людоеда. Никулин будет
людоедом. Как, Юра, сыграешь? — за-
смеялся он.

Так и работали мы вместе с Валенти-
ном Ивановичем Филатовым. «Медвежий
аттракцион» делал сборы, и людоеда нам
показывать не пришлось. Медведи на ма-
неже выглядели милицами, забавными и
приятными. Бурные медведи мягкие, с ви-
дом добродушные, так и хочется их погла-

дить. Но на самом деле в цирке нет зверя коварнее, чем медведь. Работать с тиграми, львами, леопардами легче. Дрессировщик всегда видит, чувствует смену настроения у этих экзотических животных. Бывают моменты, когда они вдруг выходят из повиновения и готовы броситься на своего укротителя. Важно этот момент уловить, почувствовать и мгновенно среагировать. У медведей же уловить смену настроения почти невозможно.

— Понимаешь, — говорил мне Валентин Иванович, — никогда не знаешь, что медведь выкинет. Вот он, Макс, мой коверный, вроде добродушный, а ведь может ни с того ни с сего взять и прихватить тебя. Медведи-то ничего не боятся, ни огня, ни воды.

Силу медведя Филатов однажды испытал на себе. Когда он еще только начинал свой путь в цирке, на одной из репетиций громадный медведь подмял под себя дрессировщика. С травмой позвонков Валентин Иванович провел долгое время в больнице. И хотя врачи сделали все возможное, гравма нет-нет да и давала о себе знать. Иногда у Филатова возникали сильные приступы боли. Так случилось перед премьерой в Запорожье. Накануне он с трудом поднялся с постели, не мог ходить. Дирекция цирка, узнав о болезни артиста, забеспокоилась. Билеты-то проданы за месяц вперед. И все, конечно, хотят увидеть аттракцион Филатова.

И Филатов выступал. Перед началом представления долго уговаривал врачей сделать ему новоканиновую блокаду.

— Это же действует только час-полтора, — сказали ему.

— А мне нужно сорок минут, — превозмогая боль, отвечал Филатов.

И на премьере Валентин Филатов легко двигался, заразительно улыбался, шутил с публикой, и только глаза у него из зеленоватых стали совсем прозрачными. Правда, после выступления Филатов не вышел, как он это делает обычно, на поклон публике. Он, чуть не потеряв сознание, стоял за кулисами, прислонившись к стене. Его тут же подхватили ассистенты, бережно отнесли в машину и отвезли в гостиницу. Там он и работал больше недели, пока не прошел приступ.

В первые же месяцы работы в коллективе мы с Филатовым подружились и перешли на «ты». В некоторых городах, в которых мы показывали «Сценку на лошади», Валентин мне давал свое старое кожаное пальто.

— Ты, Юра, не стесняйся, — говорил он. — Если что нужно, обращайся. Деньги будут нужны, бери, отдашь потом, постепенно. У меня деньги есть.

Валентин становился добрым и нежным, когда из Москвы к нему приезжали маленькие дочери — Люда и Таня. Девочки воспользовались у бабушки, и на каникулы их привозили к отцу. Он с радостью встречал детей, с удовольствием играл с ними. Все вечера дочери проводили в цирке. Девочки подросли. Он привил им любовь к цирку, а потом помог создать свои номера.

Филатов любил цирк, горел на работе и своим отношением к любимому искусству старался заразить всех. Он защищал цирк на самом высоком уровне. Если дело требовало, он добивался приема у самого высокого начальства, умев расложить к себе людей.

Медведей Валентин Филатов чувствовал и понимал удивительно. Помню, по ходу действия клоунского пролога, который мы репетировали, коверный Чайченко должен был пройти через манеж под руку с медведем Максом.

Клоун долго не соглашался подходить к медведю. Боялся.

— Да ты не бойся, — говорил спокойно Валентин Иванович. — Иди себе по манежу и подкармливай Макса сахаром. Дойдешь до середины манежа и скажешь свою фразу: «Ну мы пошли в буфет».

И Филатов сам несколько раз прошел по манежу с Максом под руку. После этого Чайченко с трепетом двинулся рядом с медведем. От волнения клоун быстро скормил весь сахар, а когда подошел к барьеру, то кормить медведя стало нечем. И вдруг Валентин Иванович, сидящий рядом со мной, спокойным голосом сказал:

— Ну сейчас Макс даст ему по шее. И точно. Медведь развернулся, поднял лапу и дал Чайченко такую затрещину, что клоун перелетел через барьер и упал в проходе.

Возник скандал. Чайченко кричал, что Филатов дал Максу знак, поэтому медведь его и ударил. Филатов ничего не мог сказать, он вместе со всеми хохотал до слез.

Филатов удивительно точно подбирал зверей для того или иного номера.

— Медведи — они, как люди, — говорил мне Валентин, — каждый на что-нибудь да способен, только нужно уметь раскрыть эти способности. Вытащить из медведя все его таланты.

Пришел однажды я на репетицию. Филатов усталый сидел на барье, криво куря сигарету и прозрачными глазами смотрел на очередного строптивого медведя, который понуро стоял в центре манежа.

— Ну что еще с ним делать? — как бы в пространство бросил вопрос Валентин. Потом он подошел к медведю и начал с ним разговор, как с человеком:

— Ты будешь работать или нет? Если не будешь, то мы тебя к чертовой матери отправим в зоопарк.

Медведь после этих слов вдруг встал на задние лапы, подошел к Филатову и, похлопывая лапой по карману куртки, где у дрессировщика лежал сахар, начал виновато урчать.

Все засмеялись. У Филатова глаза потеплели. Он дал медведю сахар и сказал:

— Все, паразит, понимает! И работать может. Только приурчивается. Ладно, — крикнул он ассистентам, — ведите его в клетку, а завтра продолжим репетицию. Я одну штуку придумал.

Не знаю, какую «штуку» придумал Валентин, но через месяц медведь уже работал на манеже, и каждый раз после своего триюка он подходил к Филатову, клопал его по карману с сахаром и как бы доверительно что-то говорил на ухо.

Хотелось бы мне написать, что король дрессировщиков с любовью и нежностью относится к своим питомцам. Но если бы он относился к своим медведям только с нежностью и любовью, то, я это понимаю, он никогда бы не создал своего замечательного аттракциона. Надо преодолевать сопротивление животного, ломать его волю и во что бы то ни стало заставлять выполнять тот или иной триюк. Животные должны чувствовать, что человек сильнее. Здесь приходится прибегать к наказанию голодом и выработке у медведей чувства болевого рефлекса, страха — будет больно, если не выполнишь задания. Всем этим Валентин Филатов пользовался. Мне бывала на некоторых репетициях больно смотреть на работу Филатова. Больно. Хотя я и понимал: другого выхода у него нет.

В основном в работе Филатов использует молодняк. Когда медведям исполняется десять лет, они обычно слепнут. Это происходит из-за резких перемен света. На конюшне темно, а манеж ярко освещен. И вторая причина, почему медведей приходится менять, — они с годами становятся свирепыми, опасными, не говоря уже о том, что после пяти-шести лет вообще плохо поддаются дрессировке. И Филатов постепенно меняет медведей. Но к некоторым своим мохнатым питомцам он так привыкал, что старался как можно дольше с ними работать. В аттракционе не принимала участие старая громадная медведица Майка. Валентин выводил ее в центр манежа, чуть-чуть подталкивал, после чего Майка, усаживаясь в специальное приспособление, начинала крутить медвежью карусель. Никто из зрителей и не замечал, что медведица слепая. И, конечно, ее могли заменить, но Филатов не в силах был расстаться со своей любимой и специально для нее придумал и отрепетировал «Карусель». Слепая медведица, одетая в матросский костюм, аккуратно подходила к аппарату-карусели, бралась за металлические перекладины, влезала на карусель и крутила педали. Я сам о болезни медведицы узнал случайно. И после этого с особым вниманием следил за ее выступлениями. Все служащие к Майке относились тепло, берегли ее.

Талантливый артист, Филатов имел и моральное, и профессиональное право требовать от всех полной отдачи в работе. Как-то незаметно, без громких фраз и приказов он создал в коллективе хорошую атмосферу. Редко бывает, чтобы артисты, занятые в одной программе, — слишком разные у всех характеры — вместе встречали новый год. В нашем коллективе это стало традицией.

Более трех десятков цирков за пять лет мы объездили вместе с коллективом. Об этом времени я всегда вспоминаю с удовольствием.

Встречаясь на заседаниях художественного совета, различных собраниях или во время переездов, я смотрю на чутко усталих, поседевшего, ставшего народным артистом СССР Валентина Филатова и думаю о том, как много он сделал в цирке. Он первый доказал, что с медведями можно работать интереснее и лучше. И то, что сегодня в цирках страны появились Иван Кудрявцев со знаменитым медведем Гошей, Рустам Касеев с поразительным аттракционом, то, что медведей ввели в свои номера музыкальные эксцентрики, акробаты, в этом есть и заслуга Филатова.

Сейчас мы видимся редко. Обычно он спрашивает меня:

— Ну как жизнь-то идет?

— Нормально. Наверное, так же, как и у тебя, — отвечаю я.

Потом мы долго беседуем, и нередко после внезапной возникшей паузы Филатов мне говорит:

— А все-таки здорово мы тогда работали, и коллектив у нас был хороший...